

Следовать велению сердца и не забывать о первоначальной цели — вот жизненный принцип Цзюнь И. Пока дело не касалось принципиальных вопросов, он не возражал против умеренных уступок Ли Циньи. В конце концов, кто еще мог быть настолько особенным?

Цзюнь И шел на подобные компромиссы не только потому, что его тело принимало лишь прикосновения Ли Циньи, а сам он обладал невероятной боевой мощью, но и из-за нынешнего статуса Ли Циньи. Канцлер в государстве Хуа обладал огромной властью, и Ли Циньи, будучи его законным сыном, располагал влиянием, которое значительно превосходило возможности некоторых нелюбимых принцев.

Такого человека нельзя было убить, нельзя было заточить, и уж точно нельзя было забыть. Видимо, ради него придется поступиться собственной гордостью.

Цзюнь И посмотрел в сторону двора, где жил Ли Циньи, и горько усмехнулся. Что ж, пусть будет так. По крайней мере, с ним рядом он больше не будет чувствовать себя таким одиноким.

Осознав свои истинные чувства, Цзюнь И испытал редкое волнение. Он хотел увидеть Ли Циньи. Немедленно!

Увы, этому желанию не суждено было сбыться.

Ли Циньи ушел, и никто этого не заметил. Он оставил на столе лишь прощальное письмо и исчез без предупреждения.

Цзюнь И прочел каждое слово, затем аккуратно сложил бумагу и убрал обратно в конверт. Весь процесс выглядел пугающе спокойным, и лишь изредка вздувающиеся на висках вены выдавали бурю, бушевавшую в его душе.

— Ли Циньи, лучше тебе больше не попадаться мне на глаза! — процедил сквозь зубы Цзюнь И.

Что значит: оставил подарок перед отъездом и покажешь после воссоединения? Что значит: хотел дать друг другу немного пространства? Что значит: болезнь глаз прошла, и он отправился отдавать долги? С каких это пор он знает, что у Ли Циньи есть старые счета с его непутевым третьим братом?

Цзюнь И был близок к безумию. Только сейчас он понял, что знал Ли Циньи гораздо меньше, чем полагал.

Сам Цзюнь И лишь недавно получил секретное донесение от своих людей и установил истинного виновника, а Ли Циньи уже успел оставить записку, в которой говорилось, что он

отправился сводить счета с ваном Цзинем. Более того, глаза Ли Циньи осматривали самые именитые лекари императорской больницы, и даже они были бессильны, а он умудрился вылечить их сам.

— Ли Циньи, ты у меня дождешься! — Цзюнь И не сомневался, что этими выходками дело не ограничится.

Если бы Ли Циньи появился перед ним сейчас, разъяренный Цзюнь И, возможно, действительно совершил бы что-то безумное, вплоть до того, что готов был бы разорвать его на куски.

Когда гнев достиг критической точки, Цзюнь И вдруг обрел ледяное спокойствие.

Они еще не подтвердили свои отношения, а недавняя двусмысленность была лишь искрой от взаимной проверки. В такой ситуации скрытность Ли Циньи была вполне естественной.

Но даже понимая это, Цзюнь И все равно злился, причем с изрядной долей высокомерия.

Отдав распоряжение страже усилить патрулирование, Цзюнь И вернулся в свои покои, взял присланные из столицы доклады и принялся неспешно их просматривать.

Раз ты хочешь играть, что ж, попробуем. Посмотрим, у кого первым сдадут нервы.

Тем временем Ли Циньи неспешно ехал верхом на своем верном коне по тракту, ведущему в столицу.

— Ха-ха-ха, интересно, как отреагирует Цзэси, когда увидит письмо. — Стоило Ли Циньи представить выражение лица Цзюнь И, который хотел его увидеть, но обнаружил лишь пустоту, как ему становилось невероятно смешно.

Так ему и надо! Кто просил его постоянно прятаться последние несколько дней?

Хотя Ли Циньи понимал, что это лишь способ самозащиты Цзюнь И, это не означало, что он готов с этим мириться. И хотя он не мог прямо выразить свое недовольство, преподать небольшой урок было необходимо.

В этом и заключалась истинная причина его тайного ухода — обычное наказание, которое маленький актив наносит пассиву, чьим авторитетом посмели пренебречь.

Впрочем, Ли Цинь не лгал Цзюнь И: у него действительно были важные дела. Из-за системы и ее заданий, которые невозможно было объяснить, он не собирался раскрывать свои планы.

В ущелье Ли Цинь и ван Цзинь получили каждый свою часть Наследия. И хотя Ли Цинь досталась квинтэссенция, ван Цзинь тоже немало приобрел. К сожалению, каждая часть Наследия имела свой канал передачи, из-за чего Ли Цинь не смог найти главного героя, как планировал, зато запутался в отношениях с этим злодеем Цзюнь И.

Когда Ли Цинь наконец нашел повод покинуть Цзюнь И, преимущество было во многом упущено.

За годы странствий Ли Цинь обзавелся множеством знакомых среди самых разных слоев общества. От них он узнал последние новости столицы.

Как он и ожидал, Ли Чэнъе уже охмурил вана Цзиня и стал его новым фаворитом. По столице ходили слухи об их любовных похождениях, сказители сочиняли истории, и чайные были переполнены желающими послушать о них.

Помимо этого, внимание Ли Цинь привлек еще один факт: один торговец утверждал, что видел на лице наследного принца глубокий шрам.

Торговец рассказывал в деталях, живо изображая свой испуг, когда узнал личность принца, гнев при виде раны и восхищение, когда принц заявил, что не жалеет о том, что в одиночку раскрыл заговор враждебного государства. В этом рассказе не было ни капли фальши.

Сначала Ли Цинь подумал, что торговца подослал ван Цзинь, и даже раздумывал, как это остановить. Но чем больше он слушал, тем отчетливее понимал, что что-то здесь не так.

Ли Цинь загадочно улыбнулся. Он разгадал тайну.

Императорская семья ни за что не допустит братоубийства. Даже если бы Цзюнь И представил доказательства того, что ван Цзинь покушался на брата и претендовал на трон, император не стал бы сурово наказывать своего любимого сына. Это не только лишило бы Цзюнь И инициативы, но и заставило бы вана Цзиня насторожиться. Куда выгоднее связать покушение на наследного принца с враждебным государством, разжечь гнев народа и создать образ принца, готового пожертвовать собой ради страны.

В то же время шрам на лице наследного принца — это ловушка, расставленная Цзюнь И для вана Цзиня. Хочешь погубить кого-то — сначала дай ему потерять голову. Не подбросишь наживку, как он выдаст себя?

Что же касается того, изуродован ли сам Цзюнь И — если он говорит, что изуродован, значит, так оно и есть. Если говорит, что нет — значит, нет. В конце концов, его сейчас нет в столице,

и никто не может доказать, в каком он состоянии, верно?

Поняв это, Ли Цинь улыбнулся — с досадой и одновременно с облегчением.

Сам себя перехитрил. Ван Цзинь, наученный горьким опытом, теперь без всяких учителей освоил искусство смешивать явные и тайные стратегии. Так дело пойдет, следующая их партия может закончиться вничью.

Эта многоходовочка Цзюнь И разожгла в Ли Цинь азарт.

Раз Цзюнь И уже склонил чашу весов в свою пользу, Ли Цинь, конечно, не собирался его разочаровывать. Его план заключался в том, чтобы, выполняя задание, создавать вану Цзиню мелкие неприятности, не давая ему сохранять прежнее хладнокровие.

Но прежде нужно было понять, сколько из его прошлых достижений сохранилось после долгой разлуки.

— Система, покажи прогресс выполнения задания.

— Из-за того, что пользователь долгое время не поддерживал контакт с ваном Цзинем, прогресс снизился до сорока двух процентов. Пожалуйста, примите меры.

Всего сорок два процента...

В глазах Ли Цинь мелькнула насмешка. Столько дней планирования, и вот результат — симпатия испарилась из-за месяца разлуки. Любовь — поистине пустая вещь.

И все же эта переменчивая штука стала единственной нитью, удерживающей его в этом мире. Как печально.

Ли Цинь внутренне усмехнулся.

Когда этот приступ эмоций утих, Ли Цинь вернулся к своему обычному расчетливому состоянию.

Ли Чэнъе уже вошел в резиденцию вана Цзиня, но они еще не успели по-настоящему полюбить друг друга, так что задание еще не провалено. Если бы он промедлил еще немного, ему пришлось бы убираться из этого мира поджав хвост.

Хорошо, что еще есть пространство для маневра.

Ли Чэнъе сейчас был лишь заменой, причем заменой, которую уже получили. Как только появится оригинал, его, потерявшего новизну, ждет безжалостное изгнание.

— Ли Тан, передай мою визитную карточку в резиденцию вана Цзиня. Скажи, что я вернулся и завтра приеду с визитом, — распорядился Ли Цинь, едва переступив порог дома.

Хотя переломить ситуацию было несложно, Ли Цинь не собирался недооценивать Ли Чэнъе.

Ни великая удача главного героя, ни стойкий характер Ли Чэнъе не позволяли проявлять беспечность.

Хотя в романе Ли Чэнъе описывался как чистый лотос, не запятнанный грязью, Ли Цинь, унаследовавший воспоминания оригинала, видел ситуацию иначе. Будучи незаконнорожденным сыном, чья мать добилась своего подлыми методами, он умудрялся получать любовь отца и заботу законного брата — такого не добьешься одним лишь притворством.

Глядя, как Ли Тан, круглый, как мяч, удаляется, Ли Цинь растянул губы в странной улыбке.

Вкусы у вана Цзиня и правда специфические: сначала его привлекла «белая луна» — он сам, жестокий палач, а потом — Ли Чэнъе, этот «белый лотос» с гнилым нутром.

Ли Цинь вдруг стало любопытно, как отреагирует ван Цзинь, когда узнает их истинные лица.

Должно быть очень забавно.

<http://bllate.org/book/22152/2307607>